

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

А. Д. Желтяков

ИСТОРИЯ ТУРЕЦКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ И ПЕРИОДИКИ ОТ РЕФОРМ «НИЗАМ-И ДЖЕДИД» ДО КОНСТИТУЦИИ 1876 г.

Начало книгопечатания в Османской империи относится к последним годам XV столетия. Первые типографии, в которых печатались книги наборным шрифтом, были созданы немусульманскими подданными султана — евреями (1494 г.), армянами (1565 г.) и греками (1627 г.). Издательское дело в этих религиозно-национальных общинах получило значительное развитие уже в XVI—XVII вв., когда, помимо нескольких десятков типографий в Стамбуле, возникли и в зависимости от обстоятельств более или менее устойчиво действовали печатные мастерские в Салониках (1512 г.), Халебе (1519 г.), Брашове (1530 г.), Белграде (1552 г.), Эдирне (1554 г.), в Ливане (типография братьев-маронитов, 1610 г.), Измире (1656 г.) и многих других местах. В XVIII в. численный рост типографий немусульманских общин продолжался, и они функционировали уже в нескольких десятках городов Османской империи¹.

Первым турецким книгопечатником был принявший ислам венгр Ибрахим Мутеферрика, который совместно с турком Саидом-эфенди основал в Стамбуле в конце 20-х годов XVIII в. типографию, официально называвшуюся «Императорской печатней» («Табхане-и амире»). 31 января 1729 г., день, когда он выпустил первую книгу, считается исходной датой турецкого книгопечатания. За тринадцать лет работы этой типографии (1729—1742) Мутеферрика издал 17 произведений в 23 томах общим тиражом около 12,5 тыс. экземпляров².

¹ O. Ersoy, Türkiye'ye matbaanın girişi ve ilk basılan eserler, Ankara, 1959, стр. 51—53.

² Selim Nüzhet, Türk matbaacılığı, İstanbul, 1928, стр. 5—76 (арабским шрифтом); F. Babinger, Stambuler Buchwesen im 18. Jahrhundert, Leipzig, 1919, стр. 9—18; A. Simonffy, Ibrahim Müteferrika. Bahnbrecher des Buchdrucks in der Türkei, Budapest, 1944, стр. 6—54.

После смерти Ибрахима Мутеферрика³ книгопечатание на турецком языке захирело ровно на полстолетия. Несколько раз делались попытки возобновить работы в его типографии. Еще в 1747 г. два кадия, Ибрахим-эфенди и Ахмед-эфенди, получили от Махмуда I разрешение на возобновление книгопечатания, но к делу приступили только в 1755 г. при Османе II. Переиздав двухтомный словарь «Ванкулу лугаты» (первую напечатанную Ибрахимом Мутеферрика книгу), они уже в 1756 г. забросили дело. В 1783 г. Абдул Хамид I передал типографию Ибрахима Мутеферрика в распоряжение вакуфного ведомства, а ее фактическими хозяевами стали бейликчи⁴ Рашид Мехмед-эфенди и придворный историограф Ахмед Васыф-эфенди. Они потратили немало сил на восстановление полуразрушенной типографии, но в 1785 г. Ахмед Васыф был отправлен послом в Испанию, а Рашид Мехмед получил пост реис уль-кюттаба. Типография вновь закрылась, успев выпустить за прошедший срок только три книги (четыре тома), в том числе исторические хроники: «История Сами, Шакира и Субхи» (1783 г.) и «История Иззи» (1784 г.). Наконец, в 1792—1794 гг. здесь были выпущены в переводе на турецкий три сочинения известного французского военного инженера Себастьяна Вобана: «Фенн-и харб» («Военное искусство»), «Фенн-и лягым» («Фортификационное искусство»), «Фенн-и мухасара» («Искусство ведения осады»), после чего типография Ибрахима Мутеферрика окончательно прекратила свое существование, а ее оборудование было раскасировано или пропало⁵.

Переменчивость судьбы типографии Ибрахима Мутеферрика, перерывы в работе которой каждый раз означали прекращение книгопечатания на турецком языке в пределах османского государства, свидетельствует о том, сколь незначительна была социальная и культурная база для распространения печатных изданий в турецком обществе XVIII в. Среди грамотных и образованных турок того времени наибольший спрос пользовались не светские, а религиозные книги. Между тем размножение этих последних осуществлялось исключительно путем

³ О роли Ибрахима Мутеферрика в развитии книгопечатания в Турции см.: И. Ю. Крачковский, Турецкий первопечатник Ибрахим Мутаферрика и его работы по географии, — «Тюркологический сборник», I, М., —Л., 1951, стр. 120—126; А. Д. Желтяков, Начальный этап книгопечатания в Турции, — «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение). Сборник статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского», М., 1968, стр. 47—60.

⁴ Бейликчи — начальник главной канцелярии, ведавшей выдачей бератов и рассылкой ферманов; являлся помощником реис уль-кюттаба — главы департамента внешних сношений.

⁵ H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri tarihi, ikinci bası, İstanbul, 1959, стр. 107—110.

переписки, так как издание их печатным способом было строго запрещено еще ферманом Ахмеда III от 5 июля 1727 г., и это запрещение оставалось в силе более столетия. Потребность же в сочинениях светского содержания из-за почти поголовной неграмотности турецкого населения, его темноты и культурной отсталости была очень незначительной и вполне покрывалась переписчиками книг — хаттатами. Случалось, впрочем, что последние переписывали книги и с изданий Ибрахима Мутеферрика⁶, но это скорее было связано с тем, что рукописные экземпляры известных сочинений в XVIII в. да и позднее ценились больше печатных.

Прочную основу печатное дело на турецком языке начало приобретать в связи с тем политическим, социально-экономическим и культурным прогрессом, который стал намечаться в Турции в последние годы XVIII и особенно в XIX столетии. Реформы Селима III и Махмуда II, нашедшие свое продолжение в период танзимата, дали толчок развитию светского просвещения, постепенному внедрению в Турции новой, передовой для того времени культуры и идеологии буржуазного Запада. Военные и административные, экономические и культурные преобразования, активизация общественной и политической жизни, деятельность «новых османов», которая нашла свое кульминационное выражение в конституции 1876 г., самым непосредственным образом благоприятствовали развитию турецкой печати и в свою очередь в определенной мере были обусловлены успехами этой последней.

Особенно большое значение для развития турецкого книгопечатания, а позднее и периодических изданий имели реформы в области просвещения. Первыми учебными заведениями, где давалось светское образование, были различные специальные училища. С 1795 по 1825 г. существовало только одно такое училище — Военное инженерно-артиллерийское. В последующие полвека их было создано более двух десятков, в том числе Военно-медицинское (1826 г.), Военное общевоинское (1834 г.), Военное музыкальное (1834 г.), Сельскохозяйственное и Ветеринарное (1847 г.), Лесное (1858 г.), Педагогическое мужское (1848 г.) и Педагогическое женское (1870 г.), Гражданское медицинское (1865 г.), ряд училищ для подготовки чиновников (1838, 1849, 1859, 1875 гг.) и др. С 1839 г. начали создаваться общеобразовательные светские начальные школы II ступени (рюштие), с 1845 г. — средние школы I ступени (идадие).

⁶ Например, в библиотеке восточного факультета ЛГУ хранится рукопись «Истории» Мустафы Наима, датированная 1774 г. (инв. № 3790), которая, как доказал А. П. Векилов, является списком с печатного издания 1735 г. См.: А. П. Векилов, Наима и рукописный экземпляр его сочинения, Л., 1950 (курсовая работа, рукопись).

Появились два лицея — Галатасарайский (1868 г.) и Дарюш-шефака (1873 г.), были сделаны попытки открыть университет (1870 г.). Школьная реформа 1845—1846 гг. и мероприятия по развитию общеобразовательных школ, нашедшие отражение в законе о народном образовании 1869 г., привели к заметному увеличению числа учащихся: уже в 1864 г. число учащихся начальных школ I ступени превысило полмиллиона, а в рюштии в 1873 г. обучалось около 20 тыс. человек⁷.

Необходимо иметь в виду, что в 40—50-х годах XIX в. происходят **существенные перемены** и в самом содержании учебного процесса. Даже в мектебах постепенно начинает вводится преподавание турецкого языка, арифметики (хотя главным предметом остается мусульманская религия), школы же типа рюштии и идадие с самого начала стремились дать своим питомцам полезные знания. Многие специальные училища, особенно военные и медицинские, готовили своих слушателей по программам, заимствованным у соответствующих европейских учебных заведений⁸.

Помимо внутренних процессов, развивавшихся в турецком обществе с начала XIX в., культурному и политическому пробуждению турок в огромной мере способствовали и такие факторы, как подъем национально-освободительного движения ряда нетурецких народов Османской империи, резкое укрепление ее международных связей со странами Запада, все большее нарастание угрозы закабаления Турции иностранным капиталом. Приходившее постепенно осознание опасности развала османского государства и его полного подчинения иностранным державам также стимулировало развитие в турецком обществе интереса к научно-техническим достижениям, политическому устройству и культурной жизни передовых стран и народов и благоприятствовало развитию книгопечатания на турецком языке.

По всем этим причинам с рубежа XVIII—XIX столетий в Турции начинает сначала медленно, а затем все быстрее увеличиваться спрос на самые разнообразные книги — учебники, специальную, научную и художественную литературу. Книги, притом в достаточном количестве и по доступной цене, становились нужными не единицам библиофилов, а целому новому слою читателей: офицерам и курсантам военных училищ, преподавателям и слушателям специальных учебных заведений, учителям и учащимся новых школ, чиновникам и адвокатам, техникам и

⁷ Подробные данные о развитии специальных и общих школ и училищ см.: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.), М., 1965, стр. 24 и сл.

⁸ Там же.

врачам, переводчикам и писателям, отправляющимся на обучение в Европу молодым туркам, т. е. той самой вышедшей из феодально-бюрократического сословия турецкой интеллигенции, которой в 60-х годах XIX в. суждено было сыграть решающую роль в просветительском движении и сформулировать основные принципы первой турецкой конституции.

В первые десятилетия после введения реформы Селима III возникновение типографий и развитие книгопечатания было связано прежде всего с нуждами армии и военных учебных заведений. Первые две книги по военному делу были написаны приглашенными в Турцию французскими инструкторами и в переводе на турецкий язык изданы в конце 80-х годов XVIII в. в типографии французского посольства в Стамбуле. Еще три (уже упоминавшиеся трактаты французского военного инженера Вобана) были отпечатаны в 1792—1794 гг. в типографии Ибрахима Мутеферрика. Селим III придавал книгопечатанию большое значение, поощряя переводы сочинений иностранцев и «при каждом удобном случае рекомендовал государственным сановникам читать книги, переведенные на турецкий язык»⁹.

В период реформы «низам-и джедид» были созданы две крупные по тем временам государственные типографии. Когда в 1795 г. в Стамбуле было открыто Инженерно-артиллерийское училище, готовившее офицеров для новой армии, при нем начала работать вполне современная турецкая типография. Она выпустила ряд переводных и оригинальных словарей и учебников по персидскому и арабскому языкам¹⁰, прекрасно иллюстрированное описание Турции на французском языке, составленное сподвижником Селима III Махмудом Раифом для проживавших в Турции иностранцев, а также значительное число учебников по арифметике, геометрии и алгебре, географии и т. д.¹¹.

В 1802 г. в азиатской части Стамбула, Ускюдаре, была организована вторая правительственная типография, официально называвшаяся Дар ут-Тыбаат уль-Амире (Императорский дом печати). Шрифты для нее были изготовлены местным мастером — армянином. Помимо традиционных арабских и персидских словарей и грамматик здесь был издан ряд исторических хроник, в частности «История Васыфа» (в двух книгах), сочинение придворного историографа Эсада-эфенди «Усс-ю зафер» («Основа победы»), посвященное ликвидации янычарского корпуса. В отличие от типографии Военного инженерно-артилле-

⁹ E. Z. K a r a l, *Osmanlı tarihi*, c. V, 2. baskı, Ankara, 1961, стр. 69.

¹⁰ Например, персидский словарь Хусейна Тебризи «Бурхан-и кати» в переводе Эсада-эфенди (863 стр.), арабский лексикон «Лехчет уль-лугат» Эсада-эфенди (851 стр.).

¹¹ H. R. E r t ü ğ, *Basın ve yayın hareketleri...*, стр. 115—117.

рийского училища, где основное внимание уделяли изданию разного рода учебной литературы, здесь печатали преимущественно заказанные государством или частными лицами книги общего характера — описания стран, научные трактаты, пособия для специалистов (в частности, по медицине), географические атласы и карты, лоции и т. д.¹²

В 1831 г. указом Махмуда II ускударская типография была переведена в центральную часть Стамбула (квартал Баязид), и на ее базе здесь было создано новое правительственное издательство Таквимхане-и Амире. Хотя основной его задачей было объявлено издание газеты (об этом ниже), оно по существу более всего занималось изданием книг. Фактически на новом месте бок о бок работали две типографии, которые только в 1863 г. слились в одну Императорскую типографию (Матбаа-и Амире), существующую и поныне¹³.

Таким образом, к началу 30-х годов XIX в. техническая база для издания книг типографским способом заметно расширилась. Постепенно увеличивался и объем печатной продукции. В типографии Ибрахима Мутеферрика за 66 лет ее существования (1729—1795) были выпущены 24 книги. В последующие 45 лет, прошедшие со времени основания типографии Инженерно-артиллерийского училища до обнародования Гюльханейского хатт-и шерифа (1839 г.), во всех правительственных типографиях было издано около 500 книг — в среднем по 11 книг в год¹⁴.

Эти скромные цифры не только отражают еще весьма ограниченные возможности государственных типографий, но и показывают одновременно, сколь узок был в тот период круг образованных и просто грамотных людей в Турции. И все же развитие книгопечатного дела в первые три десятилетия XIX в. базировалось не на энтузиазме отдельных лиц, а на постоянно действующих факторах социально-экономического, политического и культурного порядка.

В конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. в книгоиздательском деле намечается определенный перелом. По мере увеличения спроса на книги их издание и распространение стало превращаться в коммерчески выгодное дело. Уже в конце 30-х годов владельцы книжных лавок стали заказывать в государственных издательствах книги, пользовавшиеся наибольшим спросом

¹² S. R. İskit, *Türkiyede neşriyat hareketleri tarihine bir bakış*, İstanbul, 1939, стр. 27—29.

¹³ Сейчас это типография министерства просвещения. Справки о реорганизации типографий см.: M. Z. Pakalın, *Osmanlı tarih deyimleri ve terimleri sözlüğü*, с. I, f. V, стр. 405; с. II, f. XIV, стр. 415—416; с. III, f. XXI, стр. 369, f. XXII, стр. 388, İstanbul, 1946—1956.

¹⁴ S. R. İskit, *Türkiyede neşriyat...*, стр. 31.

на рынке. Но поскольку казенные типографии были неповоротливы и маломощны, а изданные в них книги стоили дорого¹⁵, в тот же период стали возникать государственные и частные литографии, а также и частные типографии. Особенно успешно развивалось литографское дело, так как литографские станки были дешевле типографских машин; кроме того, в стране имелось множество лишавшихся постоянной работы каллиграфов-переписчиков, согласных трудиться за любую плату. Литографский способ давал возможность быстро издавать книги с иллюстрациями, учебники с чертежами и схемами, карты, рисунки, бланки и т. п., в том числе и многоцветные.

Первую литографию в Турции основали французы, Анри Кайоль и его брат Жак. Увидев, сколь большое значение придает Порта организации и обучению новой армии, они энергично взялись за дело и при поддержке сераскера Коджи Хюсрев-паши создали в 1830—1831 гг. прекрасно оснащенную литографию. Она располагалась в одном из зданий военного министерства, и в качестве переписчиков в ней использовалось около 50 его служащих¹⁶. В 1831—1836 гг. здесь были отпечатаны четыре сочинения Коджи Хюсрев-паши: трактат об основах обучения солдата, уставы пехотных и артиллерийских частей и «Мюзекере-йи забытан» («Наставление для офицеров»), все — с большим числом схем, планов и графиков на разноцветной бумаге¹⁷. После отставки своего покровителя Коджи Хюсрев-паши (1836 г.) французы оставили эту военную литографию, но она работала еще ряд лет.

В 1836 г. Анри Кайоль основал собственную литографию в Бейоглу (европейский квартал Стамбула), которая в течение трех десятилетий пользовалась очень широкой известностью во всей Турции. Первоначально в этой литографии печатались книги только на турецком языке. Важное место в ее изданиях занимали учебники для новых специальных учебных заведений и школ. Среди них заслуживают упоминания выпущенные в 1838 г. грамматика французского языка, в которой французское произношение было показано буквами турецкого алфавита, и французо-турецкий словарь (1865 г.).

28 июля 1851 г. Анри Кайоль добился правительственного

¹⁵ Цены на книги, выпущенные государственными типографиями, устанавливались специальными указами султана. В 1842 г., например, Букварь стоил 5 курушей, География Европы — 28, часть 4-я учебника по математике — 40 и т. д. (S. R. İskit, *Türkiyede neşriyat...*, стр. 33); для сравнения отметим, что в середине 30-х годов корова стояла от 40 до 100, волы — до 120, пара буйволов до 600 курушей (М. Вронченко, *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии*, ч. II, СПб., 1840, стр. 174—175).

¹⁶ S. N. Gerçek, *Türk taş basmacılığı*, İstanbul, 1939, стр. 7—12, 33.

¹⁷ Описание книг см. там же, стр. 14—44 (клише образов изданий — в приложениях).

постановления, которое разрешало ему печатать материалы помимо турецкого и на некоторых других языках. В том же году Кайоль начал издавать ежемесячный армянский журнал «Панасер», позднее напечатал на персидском языке широко известные на Ближнем Востоке «Сказки попугая» («Тути-наме»). При жизни Анри Кайоля (ум. в 1865 г.) его внук и правнук основали в Стамбуле еще две литографии, но об их деятельности ничего неизвестно.

Около 1870 г. крупную литографию в Стамбуле создал ранее служивший у Кайоля далматинец Зеллич. Свои литографии имелись у издателя газеты «Джериде-йи хавадис» англичанина Уильяма Черчилля и некоторых других предпринимателей нетурецкого происхождения¹⁸.

Начиная с 30-х годов возникает и целый ряд турецких государственных литографий. Они создавались прежде всего при государственных ведомствах и крупных военных и специальных учебных заведениях. Наиболее известны литографии при Общевойсковом училище (создана в 1835 г.), Военно-медицинском училище (1846 г.), при Отделе по строительству фортификационных сооружений (1849 г.), при Школе чиновников — «Валиде-султан» (1850 г.), при Управлении по делам просвещения (1851 г.). В этих государственных литографиях печатались преимущественно учебники, а также различные специальные материалы (карты, планы, схемы, бланки и т. п.).

Из частных турецких литографий, возникших в 40-х годах, наиболее значительным было предприятие Хаджи Халиля, по прозвищу Унджу («торговец мукой»). Ему принадлежало видное место в издании учебной литературы для общеобразовательных школ¹⁹.

Что касается неправительственных турецких типографий, то они стали возникать только в конце 50-х и особенно в 60-х годах XIX в. Наиболее значительными из них были типографии частных газет («Терджюман-и ахваль», «Тасвир-и эфкар», «Басирет» и др.)²⁰, просветительских обществ и товариществ (типографии «Османского научного общества», «Кыркambar матбаасы», «Чамлыхан матбаасы», «Матбаа-йи османие»). Кроме того, существовали типографии, принадлежавшие отдельным частным владельцам и носившие их имена (типографии Сулеймана-эфенди, Яхья-эфенди, Ахмеда Мидхата, Иззета-эфенди, Али-эфенди, а также армян Дивитчяна, Оганеса, Богоса Киришчяна). Все эти типографии, в том числе и типогра-

¹⁸ S. N. Gerçek, Türk taş basmacılığı, стр. 24—31; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 120—122.

¹⁹ S. R. İskit, Türkiye'de neşriyat..., стр. 38—39.

²⁰ О турецкой прессе см. ниже.

фии газет, издали много книг, главным образом научных и художественных (но не учебников)²¹.

В первые десятилетия XIX в. отбором предназначенных для печатания книг занимались сами типографии. На издание того или иного сочинения государственные типографии каждый раз испрашивали разрешение султана. До 1840 г. все издания в названных типографиях осуществлялись за казенный счет. В этих условиях нередко публиковались далеко не самые лучшие и необходимые книги.

Указ 1840 г., запретивший издавать за счет казны книги, которые не были заказаны государственными ведомствами и учреждениями, объективно мог способствовать улучшению отбора рукописей для печати. На деле же судьбу рукописи чаще решали связи и взятки.

Первым компетентным органом по наблюдению за издательской деятельностью в стране был созданный в 1847 г. Совет по делам публичных школ, преобразованный в 1857 г. в министерство просвещения. В 1850 г. была организована своеобразная турецкая «Академия» (Энджюмен-и даниш), цель которой состояла в том, чтобы «служить размножению (teksir) необходимых турецких книг по различным наукам и способствовать развитию турецкого языка»²². Это учреждение должно было поощрять и обеспечивать издание оригинальных книг, а также намечать книги для перевода с иностранных языков на турецкий. Оно располагало средствами для награждения за лучшие книги, в том числе учебники. В обществе насчитывалось 40 постоянных членов и несколько десятков приглашенных на определенный срок. Оно существовало до 1862 г.²³.

В 60-х годах в Турции возникает целый ряд просветительских обществ, сыгравших заметную роль в истории турецкого книгопечатания и пропаганде книг. В 1860 г. известный турецкий просветитель, общественный и государственный деятель Мехмед Тахир Мюниф-эфенди (1830—1910)²⁴ основал Османское научное общество (Джемиет-и илмие-йи османийе). В первой статье его устава было записано, что оно будет содействовать распространению наук и знаний в Турции как изустно, так и «сочинением и переводами книг». Это Общество организовывало бесплатные лекции, имело свою библиотеку и читальню, создало типографию, в которой издавался журнал (о нем ни-

²¹ E. Koraу, Türkiye tarih yayınları bibliyografyası. 1729—1955, 2. basım, İstanbul, 1959, стр. 1—198.

²² S. R. İskit, Türkiyede neşriyat..., стр. 40.

²³ Там же, стр. 40—45.

²⁴ Здесь и далее биографические данные о деятелях просвещения в печати взяты из справочника: İ. A. Gövsa, Türk meşhurları ansiklopedisi, İstanbul, [1946].

же) и было выпущено несколько книг²⁵. В 1864 г. при участии Намыка Кемаля было создано Исламское просветительское общество (Джемиет-и тедрисие-йи исламийе), а в 1865 г. — Общество сочинения и перевода (Тelif ve terdžüme джемиети), члены которого ставили своей задачей публикацию и распространение научной и художественной литературы «для широкого читателя» (*umuma mahsus*)²⁶.

В мае 1870 г. было издано специальное постановление, предусматривавшее целую систему поощрений за написание оригинальных школьных учебников, а также переводы учебных пособий с иностранных языков. В постановлении говорилось о том, что министерство просвещения будет периодически выдавать награды за лучшие книги для школ, организовывать конкурсы для написания наиболее совершенных учебников по турецкому языку, географии, истории, арифметике и т. д.²⁷.

В результате развития системы государственных и частных типографий и литографий, различных поощрительных мероприятий, проводившихся правительством и просветительскими организациями, объем книжной продукции в Турции непрерывно возрастал. К сожалению, до начала 60-х годов XIX в. в Турции не публиковалось сводных данных ни о числе названий ежегодно издававшихся книг, ни об их тираже. Известное представление о содержании книжной продукции на турецком языке в 40—60-х годах дают обзоры посольских и консульских сотрудников западноевропейских держав при Порте, публиковавшиеся в «*Journal asiatique*». Но эти книжные обозрения, в частности обзоры Хаммера, Бьянки, Белена, включают только наиболее важные или интересные для их составителей сочинения по теологии, законодательству и праву, истории, литературе, языку и естественным наукам. Обычно в каждом таком обзоре перечислялось всего несколько десятков книг, опубликованных в течение одного, двух или трех лет²⁸. Между тем известно, что в отдельные годы выходило до десятка одних лишь исторических сочинений²⁹.

Статистические данные о тиражах также имеют ограниченное значение, поскольку они учитывают только книги, издан-

²⁵ S. R. İskit, *Türkiyede neşriyat...*, стр. 54—56; E. Koray, *Türkiye tarih yayınları bibliyografyası...*, стр. 57, 75, 197.

²⁶ S. R. İskit, *Türkiyede neşriyat...*, стр. 60.

²⁷ Telif ve tercüme nizamnamesi, — «*Düstur*», cüzv-ü sani, Matbaa-i amire, 1289, стр. 231—244 (на арабском шрифте); далее — «*Düstur*».

²⁸ I. Hammer-Purgstall, *Liste des ouvrages, imprimés à Constantinople...*, — JA, sér. IV, 1843, t. I, стр. 247—266 (продолжение — т. III, стр. 211—224; т. VIII, стр. 253—282). Обзоры Бьянки (Bianchi) — там же, т. X, стр. 177—206; т. XI, стр. 1—33, 293—333; т. XVII, стр. 481—484, а также в ряде томов V и VI серий.

²⁹ См. E. Koray, *Türkiye tarih yayınları bibliyografyası...*, стр. 1—198.

ные одной Императорской типографией. В 1863 г. по заказам министерства просвещения было напечатано 99 700 книг, а в 1864 г. — 92 382 книги³⁰. В 1874 г. этой же типографией было выпущено более 150 тыс. книг: 22 750 — за счет частных лиц и 130 852 книги, «предназначенные для школ». В 1875 г. эти цифры соответственно были 38 070 и 95 931, а в 1876 г. — 38 260 и 57 500 экземпляров книг. Кроме того, за эти же три года было напечатано свыше 200 тыс. экземпляров учебных пособий в виде отдельных брошюр без переплетов³¹.

Конечно, Императорская типография была самой крупной. Но было бы неверно сбрасывать со счетов другие государственные и частные типографии и литографии, общее число которых к началу 70-х годов составляло не менее сорока. Среди них были и такие, которые занимались изданием учебных пособий для школ (частные литографии турка Хаджи Халиль-аги, француза Анри Кайоля, литографии и типографии специальных учебных заведений). Например, «Рисале-йи ахляк» («Трактат о нравственности») Мехмед Садыка Рифат-паши, напечатанный впервые в литографии Военно-медицинского училища в 1847 г., в последующие 30 лет переиздавался 50 раз. А поскольку он использовался в качестве учебника для начальных школ, тираж его, надо полагать, был значительным. То же самое можно сказать и о литографских изданиях «Книги уроков религии» («Дин дерслери китабы»), выпущенной в 1836 г., и рассылавшегося во все ведомства и провинции «Ежегодника» («Салнаме»), появившегося впервые в 1847 г., а также ряда других изданий, рассчитанных на сравнительно широкий круг читателей³².

* * *

Сдвиги в развитии Турции периода реформ «низам-и джедид» и танзимата, обусловившие распространение книгопечатания, привели также к возникновению периодической печати. Первая турецкая газета появилась спустя сто лет после начала работ в типографии Ибрахима Мутеферрика. Гораздо раньше в Турции начали выходить иностранные газеты.

В 1794 г. правительство Французской республики приняло решение издавать при своем посольстве в Стамбуле «Бюллетень новостей» («Bulletin de Nouvelle»), предназначенный для проживающих в Турции французов и других европейцев. С осени

³⁰ S. R. İskit, *Türkiyede neşriyat...*, стр. 59.

³¹ M. A. Belin, *Bibliographie ottomane ou notices des livres turcs, imprimés à Constantinople...*, — JA, sér. VII, 1877, t. IX, стр. 123—124.

³² S. R. İskit, *Türkiyede neşriyat...*, стр. 36—39.

1796 г. на смену ему пришла «Французская константинопольская газета» («*Gazette Française de Constantinople*»), имевшая целью рассказывать о событиях в Европе и не касавшаяся турецких дел. Газета была закрыта, как только в Стамбуле стало известно о высадке Наполеона в Египте³³, и новых попыток издания газет не делалось более двадцати лет³⁴.

Зарождение газетного дела в Турции связано с деятельностью членов весьма обширной и пестрой по составу французской колонии в Измире. Наиболее влиятельной силой в этой колонии были купцы, которые вели большую торговлю во всей восточной части Средиземноморья и в Малой Азии. Естественно, что торговые интересы этих купцов тесно переплетались с политическими устремлениями французского капитала на Ближнем Востоке, хотя не всегда и не во всем совпадали с официальной политикой Франции. Эти расхождения отразились на судьбах издававшихся в Измире французских газет, но не помешали их возникновению. Первая такая газета, называвшаяся «Смирнец» («*Smyrnéen*»), была создана Шарлем Триконом и начала выходить в январе 1824 г. За резкие высказывания в адрес Порты в связи с ее греческой политикой, которые вызвали жалобы реис уль-кюттаба, французский консул в Измире прекратил издание этой газеты.

Однако уже в октябре 1824 г. она начала выходить вновь под названием «Восточный обозреватель» («*Le Spectateur Oriental*») с подзаголовком «Коммерческая, политическая и литературная газета» («*Journal commercial, politique et littéraire*»). На своих страницах эта еженедельная газета давала довольно обстоятельную информацию о событиях в Европе, внутреннем положении в провинциях Османской империи, о торговле. В то время вопросом первостепенной важности были греческие дела, а в освещении их газета придерживалась протурецкой ориентации, поскольку подъем национально-освободительного движения в Греции наносил ущерб интересам французских купцов, утвердившихся в Измире. Такая позиция газеты вызвала резкие протесты со стороны Англии и России, которые вынудили французское посольство и Порту принять против нее меры: в течение 1826 г. ее издание несколько раз приостанавливалось, ее владельцы менялись.

³³ S. Nüzhet, Türk gazeteciliği. 1831—1931, İstanbul, 1931, стр. 10—14.

³⁴ Мы не касаемся здесь газет французских оккупационных сил в Египте («*Courrier d'Egypte*», «*Décade Egyptienne*», «*Journal officiel*»), возникших в июле — октябре 1798 г. и исчезнувших после ухода французов. В те же годы была сделана попытка наладить выпуск газеты «Хавадис уль-евмие» на арабском языке (по другим сведениям, она называлась «Эт-тенбих»), которая окончилась неудачей по той же причине (H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 131).

В 1827 г. за издание газеты взялся пользовавшийся большой известностью в торговых кругах Измира и всего Леванта Александр Блак, сын одного из адвокатов Людовика XVI, после казни которого семья Блаков вынуждена была покинуть Францию. За свои резкие нападки на политику европейских держав и туркофильство Александр Блак получил прозвище Блак-бей. Чтобы прекратить издание «Le Spectateur Oriental», французский консул в Измире Кастанье учинил настоящий разгром ее редакции и типографии. Но даже и эта крайняя мера не утихомирила Блака. Возбудив против Кастанье судебное дело о возмещении убытков, Блак уже в январе 1828 г. начал выпускать новую французскую газету — «Courrier de Smyrne», не менее протурецкую по своему направлению. Она регулярно выходила до 1830 г. и пользовалась большой популярностью, которой немало способствовала громкая, отчасти скандальная слава самого Блака³⁵.

Из всей этой истории Порты сделала вывод о необходимости организовать издание собственной газеты, и с этой целью Махмуд II в 1830 г. пригласил Блака в Стамбул. В 1831 г. начала выходить первая (созданная Блаком) османская газета «Münferrih ottoman» на французском языке. Будучи правительственным органом, газета состояла из двух частей — официальной и полуофициальной. Как отмечает турецкий исследователь С. Искит, «в ее полуофициальной части отстаивались интересы Высокой Порты»³⁶. До 1836 г. фактически руководителем этой газеты был Александр Блак³⁷. Поскольку печаталась она на французском языке, ее нельзя считать подлинно турецкой газетой.

Первой газетой на турецком языке была «Таквим-и векаи» («Календарь событий») ³⁸. Как уже отмечалось, для ее выпус-

³⁵ S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, сrp. 16—27; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., сrp. 1124—129.

³⁶ S. R. İskit, Türkiye'de matbuat idareleri ve politikaları, Ankara, 1943, сrp. 66.

³⁷ В 1836 г. А. Блак отправился морским путем во Францию и при таинственных обстоятельствах внезапно умер на о-ве Мальта. Махмуд II назначил его семье пенсию в 25 тыс. курушей, а сыновья Блака были взяты на содержание казны и посланы на обучение во Францию. Один из них, Эдуард Блак, по возвращении в Турцию в 1845—1852 гг. был корреспондентом полуофициальной «Courrier de Constantinople», с 1852 по 1873 г. — на дипломатической службе в Париже (атташе), Неаполе (консул) и Америке (посол), в 1876—1877 гг. — директор департамента печати, но Абдул Хамиду II пришелся не по вкусу либерализм Э. Блака, и в дальнейшем он служил на других постах (ум. в 1895 г.). См.: H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., сrp. 132, 134.

³⁸ Учитывая особое положение Египта в то время, мы оставляем в стороне издававшуюся с 1828 г. в Каире на арабском и турецком языках газету «Векаи-йи мысрийе» («Египетские события»).

ка было создано специальное издательство Таквимхане-йи амире, а организация дела была поручена историографу Эсаду-эфенди. Первый номер этой газеты вышел 11 ноября 1831 г., и эта дата считается началом турецкой периодической печати. Первый выпуск газеты «Таквим-и векаи», изданный тиражом 5 тыс. экземпляров, был разослан всем министрам, военным и гражданским сановникам столицы, улемам, знати городов и местечек, посольствам и консульствам иностранных государств. В нем были опубликованы материалы светской хроники (поездка Махмуда II в Чанаккале и прием парада новых войск в Ускюдаре, торжественная церемония по случаю начала учебы шах-заде Меджида и т. п.), информация об очередном пожаре в Стамбуле, некоторых событиях в провинциях (восстание в Албании, арест вали Багдада Давуд-паши и пр.), кое-какие вести из-за границы³⁹.

В первое время газета «Таквим-и векаи» пользовалась известным успехом. Интерес к газете еще более возрос, когда в 1832 г. было принято решение выпускать ее на армянском, греческом, арабском и персидском языках⁴⁰. Заметим, что издания на этих языках не являлись текстуальным переводом турецких номеров «Таквим-и векаи». Как и в «*Moniteur ottoman*», в этих изданиях наряду с основным официальным материалом нередко помещались и различные другие известия, представлявшие специфический интерес для их читателей.

Внешне газета «Таквим-и векаи» выглядела очень скромно: клишированное название в верхней части, две колонки текста (без знаков препинания), 6—8 страниц размером 40×27 см, почти без полей. Ее штат, состоявший из выпускников медресе и ходжей, был очень ограниченным. Газета не имела ни одного профессионального журналиста. Корреспонденцию по гражданским делам обязан был подбирать один из секретарей начальника канцелярии садразама, по военным вопросам — адъютант сераскера. При этом оба не освобождались от основной службы в своих ведомствах⁴¹.

При таких условиях газета не могла стать оперативным органом. Очень скоро интерес к ней стал падать. Вот что пишет об этом один крупный специалист по истории газетного дела в Турции: «„Таквим-и векаи“ была создана как официальная газета, которая должна была выходить раз в неделю. Первоначально наряду с официальными объявлениями и известиями она публиковала сведения, касающиеся внутренних и внешних собы-

³⁹ Наиболее подробное описание газеты, особенно ее первого номера, см. Н. R. E r t u ğ, *Basın ve yayın hareketleri...*, стр. 132—148.

⁴⁰ О выходе газеты на персидском языке сведений нет.

⁴¹ Н. R. E r t u ğ, *Basın ve yayın hareketleri...*, стр. 145.

тий. Впоследствии она утратила эту свою особенность, и ее содержание ограничивалось падишахскими ираде, неинтересными официальными сообщениями. По этой причине она быстро потеряла свою связь (с читателями. — А. Ж.) и свое значение»⁴².

Другим большим недостатком газеты была ее крайняя нерегулярность. Иногда она выходила каждую неделю, иногда раз в месяц, а то и реже. Вот цифры: в 1832 г. вышло 24 номера, в 1833 — 18, в 1834 — 27, в 1835 — 18, в 1836 — 17, в 1837 — 15, в 1842 — 12, в 1847 — 46 (рекордное число), в 1858 и 1859 гг. — по 8 номеров⁴³. С 1860 г. газета совсем захирела, и в 1878 г. ее издание было прекращено⁴⁴. Нередко случалось, что газета не могла выйти, даже когда правительству необходимо было срочно опубликовать важный материал. В таких случаях прибегали к изданию так называемых «Специальных листков» («Варака-йи махсуса»). Таким путем были обнародованы, в частности, текст Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г., сообщения о важнейших событиях войн с Египтом и Крымской кампании. «Новости» газеты «Таквим-и векаи», как правило, касались таких вопросов, которые давно уже были известны и обсуждены во всех турецких кофейнях. Потому о ней нередко говорили: «свежа дата, да сама газета стара»⁴⁵.

Популярности газеты не способствовал и ее язык. Работавшие в ней выпускники медресе писали длинными, нудными, тягучими фразами, насыщенными арабскими и персидскими словами и оборотами, совершенно чуждыми простому турку.

При всех своих недостатках «Таквим-и векаи», будучи единственной турецкой газетой в 30-х годах XIX в., определенно сыграла положительную роль в истории турецкой прессы.

История появления второй газеты на турецком языке не совсем обычна. В 1836 г. несколько английских купцов поселились в азиатском пригороде Стамбула Кадыкёе. Население местечка, недовольное таким соседством, потребовало выдворения англичан в Бейоглу, где обычно селились богатые иностранцы европейского происхождения. Комендант Ускудара, к которому был тогда приписан Кадыкёй, сделал временное исключение для группы англичан, развлекавшихся охотой. Один из них, Уильям Черчилль, по неосторожности ранил выстрелом

⁴² Там же, стр. 135.

⁴³ Там же, стр. 143, 145—147.

⁴⁴ Попытка возобновить издание газеты была предпринята в 1891 г., но регулярно она выходила только с 1.IX.1908 по 4.XI.1922 г. После упразднения султаната она получила название «Джериде-йи ресмийе», а с 1928 г. — «Ресми газете» («Официальная газета») и публиковала исключительно официальные правительственные материалы.

⁴⁵ «Tarihi yeni kendi eski gazete» — S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 33.

из своего дробовика ребенка, который пас козу. Население Кадыкёя пришло в возбуждение, англичанин был избит и три дня просидел в полицейском участке. В это дело вмешалось английское посольство. Ссылаясь на режим капитуляций, обеспечивавший иностранцам право экстерриториальности и неприкосновенность, оно потребовало наказания виновных. Этот инцидент ускорил смещение министра иностранных дел Акиф-паши с его поста ⁴⁶. Черчилль же в компенсацию за убытки потребовал и получил от султана прибыльную лицензию на экспорт нескольких партий оливкового масла и право на издание газеты. Лицензию он с большой выгодой для себя перепродал, а к изданию газеты приступил только пять лет спустя ⁴⁷.

Первый номер его газеты «Джериде-йи хавадис» («Вестник новостей») вышел 1 августа 1840 г. Хотя Черчилль, являвшийся стамбульским корреспондентом английской «Morning Herald», имел опыт газетной работы, дела сперва шли плохо, так как сначала его газета по внешнему виду и по содержанию мало отличалась от турецкого официоза. Когда в 1843 г., имея всего 150 подписчиков, газета оказалась на грани финансового краха, турецкое правительство решило выдавать ей дотацию по 2500 курушей в месяц. С этого времени «Джериде-йи хавадис» стала носить полуофициальный характер. Все большее место в газете стали занимать правительственные и иные, особенно торговые, объявления. В годы Крымской войны она стала основным, причем регулярным, источником информации о ходе военных действий, перепечатывала за плату корреспонденции из английских газет, публиковала сообщения с фронта, написанные самим Черчиллем. «Джериде-йи хавадис» всячески содействовала упрочению британского влияния в Турции, охотно поддерживая сторонников проанглийской ориентации в турецких правящих кругах. Это не мешало ей оставаться проправительственным органом, и ее резкие нападки на возникавшие в 60-х годах частные газеты либерального направления поддерживались властями. В 1864 г. после смерти У. Черчилля газета перешла к его сыну Альфреду и выходила под названием «Рузнаме-йи джериде-йи хавадис»; с развитием турецкой периодической печати газета утратила свое политическое значение, превратившись в орган экономической информации ⁴⁸.

Развитие периодической печати в Турции в 60—70-х годах XIX в. было следствием дальнейших сдвигов, происходивших в экономической, общественной и культурной жизни турецкого

⁴⁶ Вскоре он получил пост министра внутренних дел.

⁴⁷ S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 35—37; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 149.

⁴⁸ Там же, стр. 152, 169—170.

общества. В первую очередь оно было связано с началом формирования национальной турецкой буржуазии, с распространением буржуазно-либеральных взглядов и конституционных идей.

Уже в 1860—1861 гг. в Стамбуле стали издаваться две новые газеты на турецком языке. В последующие 15 лет количество появлявшихся в столице турецких периодических изданий увеличивалось следующим образом⁴⁹:

	1862—1866 гг.	1867—1871 гг.	1872—1876 гг.	Общий итог
Газеты	4	22	26	52
Журналы . . .	8	6	26	40
Всего	12	28	52	92

Как видим, в рамках данного периода число вновь возникавших периодических турецких изданий увеличивалось вдвое каждые пять лет. За 17 лет в одном Стамбуле их появилось более 90. В 1876 г. здесь выходило до 13 газет и журналов только на турецком языке⁵⁰. В большинстве своем они были недолговечными. Отсутствие средств, нехватка профессиональных журналистов, все усиливающиеся преследования печати со стороны властей приводили к тому, что нередко выпуск газет и журналов внезапно прерывался, многие из них закрывались навсегда, просуществовав всего несколько месяцев, недель или даже дней.

Среди периодических изданий, возникших в 60—70-х годах, лишь очень незначительная часть была создана по постановлению государственных ведомств. К их числу относятся газеты: «Джереде-йи аскерие» («Военный вестник») — официальный орган военного министерства, основанный в 1863 г.; «Векаи-и заптийе» («Полицейские ведомости»), выходившая с 1869 г.; полуофициальные журналы «Меджмуа-йи аскерие»

⁴⁹ Таблица составлена на основе списка, приведенного в труде Селима Нюхета («Türk gazeteciliği», стр. 84—92). Однако все случаи повторного издания газет и журналов, публикация которых была временно прекращена, а также публикация специальных выпусков газет для женщин, детей или развлекательных не рассматриваются как новые издания и в таблице учтены только один раз.

⁵⁰ Кроме того, в 1876 г. в Стамбуле издавались 34 периодических органа на других языках, в том числе: 9 — на греческом, 9 — на армянском, 1 — на арабском, 3 — на болгарском, 2 — на еврейском, 7 — на французском, 2 — на английском, 1 — на немецком (см.: А. Убичини и П. де Куртейль, Современное состояние Османской империи, пер. и изд. О. И. Бакст, СПб., 1877, стр. 151—154). Для сравнения укажем, что в 1850 г. в Стамбуле выходили: на турецком — 2, на французском — 5, на итальянском — 4, на греческом — 1, на армянском — 1, на болгарском — 1, а всего 14 газет и журналов, не считая иноязычных изданий официальной «Таквим-и векаи». Помимо того, в 1850 г. в Измире выходили 2 французские, 1 греческая, 1 армянская и 1 еврейская газеты. См.: S. R. I s k i t, Türkiye'de matbuat..., стр. 15.

(«Военный журнал», основан в 1864 г.); «Джериде-йи тыббийе-йи аскерие» («Военно-медицинский вестник», основан в 1871 г.) и некоторые другие. Но в своем подавляющем большинстве периодические органы печати создавались по инициативе частных лиц и организаций. Именно им Турция обязана появлению самых влиятельных и наиболее читаемых газет и журналов.

В рамках данной статьи нет возможности охарактеризовать все периодические издания. Ниже речь пойдет о тех из них, которые сыграли наиболее заметную роль в истории турецкой печати.

Первой частной турецкой газетой была «Терджюман-и ахваль» («Толкователь событий»), начавшая выходить с 21 октября 1860 г. Ее основал видный общественный и культурный деятель Турции, участник движения «новых османов» Агях-эфенди (1832—1885). Поэтому его называют также «старейшиной турецкой журналистики»⁵¹. Агях-эфенди привлек к участию в газете целый ряд образованнейших и передовых людей Турции того времени. В ней активно сотрудничали известный писатель Зия-паша (1825—1880), историк литературы и языковед Ахмед Вефик-паша (1823—1891), видный впоследствии журналист Мустафа Рефик-бей (ум. в 1912 г.). Однако наибольшую популярность газете принесло имя выдающегося турецкого литератора и публициста Ибрахима Шинаси (1826—1871), который играл едва ли не главную роль в выпуске ее первых 25 номеров.

В программной статье, опубликованной в первом номере газеты «Терджюман-и ахваль», Шинаси писал, что ее целью будут «публикация материалов и обсуждение некоторых важных внутри- и внешнеполитических событий, а также разнообразных проблем просвещения и общественной пользы». Здесь же Шинаси указывал на необходимость упрощения языка газеты, чтобы «ее легко мог понять весь народ»⁵².

«Терджюман-и ахваль» была первой турецкой газетой, в которой систематически печатался литературный материал (в частности, на ее страницах была напечатана первая турецкая театральная пьеса «Женитьба поэта», написанная Шинаси, многие его стихи), помещались обзоры внутреннего положения страны, статьи по вопросам науки и культуры. С каждым месяцем газета приобретала все большую известность, выход ее участился с двух до пяти раз в неделю. Воспользовавшись нападками Зия-паши на «Джериде-йи хавадис», намекавшего на

⁵¹ Н. R. Ertuğ, *Basın ve yayın hareketleri...*, стр. 164. С именем Агях-эфенди, который с 1861 по 1864 г. был главным директором почтового ведомства, связано также появление первых в Турции почтовых марок.

⁵² Н. R. Ertuğ, *Basın ve yayın hareketleri...*, стр. 160.

ее продажность, правительство в мае 1861 г. запретило Агяху-эфенди издание его газеты на две недели. Это был первый в истории турецкой печати акт административного преследования прессы. Газета умерила то́н, а публикация хвалебных од и статей по случаю восшествия на престол нового султана Абдул Азиза еще больше уменьшила ее ценность в глазах просвещенного общества, что повело к постепенному упадку газеты.

«Терджюман-и ахваль» выходила до 11 марта 1866 г. Возникнув как частная газета либерального направления, она сыграла важную роль в просветительском движении. Однако с уходом из нее Ибрахима Шинаси наиболее талантливые и прогрессивные писатели, общественные и политические деятели стали группироваться вокруг созданной им новой газеты «Тасвир-и эфкяр» («Выражение идей»).

Газета «Тасвир-и эфкяр» начала выходить с 27 июня 1862 г. Вот как характеризует ее акад. В. А. Гордлевский: «С точки зрения литературы и политики, это одна из самых важных османских газет. Основной принцип Шинаси-эфенди, проводимый им в газете, состоял в том, что, знакомя Восток с западной культурой, он хотел создать язык, пригодный для выражения новых мыслей... Через газету обществознакомилось с новыми идеями, облеченными в легкую литературную форму; лица, до тех пор восхищавшиеся одной поэзией, теперь постигли значение политики в общественной жизни, определили рознь, которая лежит между правительством и народом»⁵³. Турецкие исследователи называют «Тасвир-и эфкяр» «первой турецкой независимой и формировавшей общественное мнение газетой». «великой школой в истории турецкой журналистики» и подчеркивают, что «она оказала большую услугу турецкой нации в идеологической и политической областях»⁵⁴. «Газета „Тасвир-и эфкяр“ усилила поворот, который начала „Терджюман-и ахваль“, а в области воздействия на общественное мнение оставила ее в тени»⁵⁵.

Газета выходила дважды в неделю, ее тираж порой превышал 20 тыс. экземпляров, ее жадно читали образованные люди новой формации, учащаяся молодежь. Когда правительство увидело, что газета превратилась в центр идейной оппозиции, оно обрушилось на нее с репрессиями. В июне 1864 г. Шинаси вынужден был эмигрировать за границу. Новым редактором «Тасвир-и эфкяр» стал Намык Кемаль (1840—1888) — крупней-

⁵³ В. А. Гордлевский, Очерки по новой османской литературе, — Избранные сочинения, т. II. Язык и литература, М., 1961, стр. 354.

⁵⁴ S. R. İskit, Türkiye matbuat..., стр. 14; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 168—169.

⁵⁵ S. R. İskit, Türkiye matbuat..., стр. 14.

ший турецкий поэт, писатель и публицист XIX в., видный идейный руководитель и организатор созданного в 1865 г. Общества новых османов⁵⁶.

На страницах этой газеты молодой Намык Кемаль отстаивал политическую самостоятельность Турции. Он «начал выдвигать в своих статьях принцип народовластия... непрерывно пробуждал в народе политическое самосознание»⁵⁷. Летом 1866 г. по распоряжению властей газета была закрыта.

В том же году представитель наиболее радикального крыла «новых османов», учитель по профессии Али Суави (1838—1878) начал издавать газету «Мухбир» («Корреспондент»). «„Мухбир“, — пишет турецкий историк печати С. Нюзхет, — первая газета, которая пропагандировала у нас революционные идеи»⁵⁸. За резкие антиправительственные выступления министерство просвещения уже после 32-го номера временно приостановило издание газеты, мотивируя это тем, что «она взяла за правило публиковать некоторые ложные и разрушительные сведения, долженствующие настроить умы против правительства»⁵⁹. Протесты газеты против этого решения не увенчались успехом. В марте 1867 г. на издание газеты был наложен запрет.

В 60-х годах возникает также ряд журналов. Самым значительным из них был орган Османского научного общества «Меджмуа-йи фюнун» («Журнал наук»), первый номер которого вышел в июле 1862 г. Редактором журнала был видный турецкий ученый-полигистор Мехмед Тахир Мюниф-паша (1830—1910). В нем печатались научно-популярные статьи по физике, химии, философии, психологии и социологии, истории и географии. Во время эпидемии холеры 1864—1865 гг. издание журнала прервалось, но в 1866 г. было возобновлено, правда ненадолго. В 1862 г. возникли первый турецкий иллюстрированный журнал «Мират» («Зеркало») (вышло три номера) и орган Общества любителей письменности — журнал «Меджмуа-йи ибер-и интибах» («Примеры пробуждения»).

Начавшееся в середине 60-х годов усиление репрессивных мер против печати вынудило «новых османов» перенести свою издательскую деятельность за границу. Появление и развитие вольной турецкой прессы за пределами Турции связано с именами виднейших представителей турецкой политической эмиграции 60—70-х годов — Намыка Кемаля, Зия-паши, Али Суави и др. 31 августа 1867 г. Али Суави возобновил в Лондоне из-

⁵⁶ См. об этом: Ю. А. Петросян, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1959, стр. 34 и сл.

⁵⁷ В. А. Гордлевский, Очерки..., стр. 359.

⁵⁸ S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 42.

⁵⁹ Там же.

дание газеты «Мухбир». Первоначально она мыслилась как орган Общества «новых османов», но вскоре обнаружилось, что Али Суави будет пропагандировать в ней свои взгляды. Поэтому Намык Кемаль и Зия-паша с 29 июля 1868 г. начали выпускать в Лондоне газету «Хюрриет» («Свобода»), которая получила признание большинства «новых османов» и пользовалась исключительным спросом в Турции, куда переправлялся почти весь ее тираж.

В мае 1869 г. Мехмед-бей начал выпускать в Париже газету «Иттихад» («Единение»), но она просуществовала недолго, и в 1870 г. он вместе с Хюсейном Васфи-пашой предпринял в Женеве издание газеты «Инкиляб» («Революция»). В начале 1870 г. Намык Кемаль отошел от Зия-паши и попытался организовать сначала в Брюсселе, а затем в Вене издание своей газеты, однако не смог этого сделать. В том же году Али Суави перебрался в Париж и стал издавать журнал «Улюм» («Знания»), но после осады города германскими войсками уехал в Лион и некоторое время выпускал там газету «Муваккатен» («Временно»).

В основе всех этих перемен в зарубежной прессе «новых османов» лежало различие политических взглядов. В то время как Намык Кемаль считал главным злом самое систему абсолютистской монархии, Зия-паша утверждал, что тяжелое положение страны вызвано различными злоупотреблениями султанских министров, а Али Суави выдвигал требование отделения светской власти от духовной. Характер политических разногласий и деятельность заграничных печатных органов «новых османов» освещались в советской исторической литературе. Известно, что именно через эти органы были обнародованы основные программные установки и требования «новых османов». Несмотря на все запреты и барьеры, они находили широкое распространение в Турции и утвердили в турецком общественном мнении идею конституционного правления⁶⁰.

В самой Турции в конце 60-х — начале 70-х годов периодическая печать оказалась в очень тяжелом положении. Цензура свирепствовала, и даже эзоповский язык не всегда спасал газету от преследований. В этой обстановке часть периодических изданий предпочитала осторожность. Политическая серость обеспечивала благосклонность властей, но, естественно, вызывала обратную реакцию у читателей. Иногда, чтобы привлечь внимание читающей публики, некоторые из газет, например «Терак-

⁶⁰ В указанной выше работе Ю. А. Петросяна («Новые османы»..., стр. 43—65) дается общая характеристика основных газет «новых османов», издававшихся в Лондоне, Париже и Женеве, приводится большое число их высказываний по принципиальным вопросам. Однако существо политических разногласий в лагере «новых османов» изучено еще недостаточно.

кы» («Прогресс», основана в 1868 г.) или «Басирет» («Прозорливость», основана в 1869 г.), позволяли себе быть храбрыми. Но чаще всего, как это едко отметил в своей карикатурной сценке журнал «Театр», та же «Тераккы» заносила ногу вперед, чтобы застыть на одном месте и наблюдать, а «Басирет» предпочитала рассуждать об общественной пользе, сидя за обеденным столом⁶¹. Кстати, «Басирет» превратилась в крупную газету, после того как во время франко-прусской войны выступила в поддержку Германии и «в благодарность получила от Бисмарка некую сумму денег и печатную машину»⁶².

Были и такие газеты, которые, не имея популярности у читателей, видели выход в том, чтобы почаще менять названия. Так, газета «Айине-йи ватан» («Зеркало родины»), основанная в 1866 г., за два года меняла свое название четыре раза; основанная в 1867 г. газета «Муhib» («Друг») за тот же срок сменила название не менее трех раз. Очень быстро угасла газета «Утарит» («Меркурий», основана в 1867 г.), редактор которой Айетуллах в мае 1866 г. донес правительству о заговоре «новых османов».

Было бы, однако, неправильно представлять дело так, что все периодические издания того времени лишь угодничали перед властями и не боролись за право изображать действительность такой, как она есть. Дух либерализма, охвативший турецкое общество в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века, нашел отражение не только в заграничной прессе «новых османов»; последние имели много сторонников и сочувствующих среди издателей газет, журналистов и литераторов, остававшихся в стране. Этот дух проникал иногда даже в газеты умеренного направления вроде той же «Тераккы», где одно время сотрудничал известный литератор и издатель Тевфик Эбуззия (1849—1913), или «Басирет», в которой время от времени печатались философские статьи остававшегося за границей до 1876 г. Али Суави.

Важное место в критике правительства и пропаганде идеи свободы печати принадлежит юмористическим газетам, в которых впервые начали появляться и политические карикатуры. Первая такая газета под названием «Диоген», печатавшаяся сначала на французском и греческом, а затем и турецком языке, появилась в 1869 г. Ее издателем был Теодор Касаб. Карикатура на официозную «La Turquie», помещенная в № 120 «Диогена», не прошла мимо внимания властей: они прикрыли газету на два месяца.

Вместо нее Теодор Касаб в 1872 г. начал издавать юмори-

⁶¹ S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 65.

⁶² Там же, стр. 54.

стическую газету «Чингыраклы татар» («Татарин с погремушкой»), закрытую после выхода нескольких номеров, а затем «Хаяль» («Фантазия»), которая была самым боевым сатирико-юмористическим органом того времени. Ее издание не раз прерывалось властями.

В 1876 г., когда все газеты приветствовали проект конституции Мидхата, «Хаяль» поместила свою последнюю карикатуру, изображавшую связанного по рукам и ногам человека, а под ним фразу из конституции: «Печать свободна в рамках закона». В последнем номере, публикуя постановление властей о закрытии газеты, «Хаяль» бесстрашно высмеяла это решение. Прощаясь со своими читателями, она писала: «Погодите, не плачьте. Смейтесь! В этом мире никто не вечен!»⁶³.

В 1873—1876 гг. в Турции выходили сатирико-юмористические газеты «Лятифе» («Анекдот»), выступавшая с острой критикой правительственных газет, «Кахкаха» («Смех»), «Шафак» («Рассвет»), «Гевезе» («Болтун»), «Чайлак» («Коршун»), а также печатавшаяся иногда в виде журнала газета «Театр».

С конца 60-х годов в Турции начинают возникать газеты и журналы, специализирующиеся на преимущественном освещении каких-либо определенных проблем экономической, общественной и культурной жизни страны. Так, в 1867 г. стал издаваться «Журнал просвещения» («Меджмуа-йи маариф»), в котором обсуждались общие вопросы развития светского образования в Турции, структура и программы общеобразовательных и специальных школ. Публиковавшиеся в журнале статьи были учтены при выработке Органического закона о народном образовании 1869 г.⁶⁴.

В 1869 г. группа деятелей просвещения начала выпускать газету «Мюмейиз» («Экзаменатор»). Это была первая педагогическая газета. В ней серьезно, с научных позиций обсуждались и критиковались существующие в турецких школах методы обучения и воспитания детей, рассказывалось о новых методах преподавания. Некоторые номера этой газеты издавались специально для детей, они были написаны особенно простым языком, и для облегчения чтения текст их имел огласовки. Таким образом, впервые была сделана попытка выпуска детской газеты⁶⁵. В том же году начала выходить посвященная науке и технике (ilim ve fen) газета «Хади́ка» («Сад»). Помимо популярных научных статей она печатала очерки о промышленности и тех-

⁶³ Там же, стр. 61.

⁶⁴ Характеристику и сокращенный перевод закона см.: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции..., стр. 38—41, 154—167.

⁶⁵ V. Günyol, Matbuat, — «İslâm ansiklopedisi. İslâm âlemi tarih, coğrafya, etnografya ve biyografya lûgati», с. VII, İstanbul, 1957, стр. 369.

ническом прогрессе⁶⁶. В издававшейся с 1874 г. газете «Шарк» («Восток») главный упор делался на торгово-финансовые темы, давалась информация о деятельности иностранных банков в Турции и местных банкирских и торговых домах⁶⁷.

Отдавая должное смелости юмористических газет, а также познавательной ценности научно-популярных и специальных изданий, необходимо подчеркнуть, что главную роль в борьбе за либерализацию режима, за установление конституционного правления играла политическая периодика. Издававшиеся за границей газеты «новых османов», тысячами ввозившиеся в Турцию, причиняли правительству большое беспокойство. Новый великий везир Недим-паша разрешил новоосманским лидерам возвратиться из эмиграции на родину. В конце 1870 г. в Стамбул приехал Намык Кемаль, затем Агях-эфенди (в 1871 г.), Зия-паша (в 1872 г.), Али Суави (в 1876 г.) и многие другие деятели «новых османов», которые вернулись в Турцию еще более зрелыми и убежденными борцами за идеалы свободы, за конституцию. Их деятельность самым непосредственным образом была связана с литературой, с журналистикой.

Летом 1871 г. некто Искендер-эфенди начал выпускать ничем не выделяющуюся среди прочих газету «Ибрет» («Назидание»)⁶⁸, которой год спустя суждено было приобрести славу самой яркой политической газеты Турции 70-х годов. В мае 1872 г. за ее издание взялся редакционный совет, в который вошли Тевфик Эбуззия, Намык Кемаль, а также его товарищи по эмиграции Мустафа Нури (1844—1906) и Решад Кая-заде (1844—1902). 13 июня 1872 г. вышел первый программный номер этой, по существу заново созданной газеты. В нем говорилось: «Мы хотим служить родине, насколько это в наших силах... По нашему убеждению, самый главный долг газеты — рассказывать народу о политической обстановке и делах и о культурном прогрессе... Обязанность, которую мы считаем самой священной, состоит в том, чтобы говорить правду, насколько это позволяет закон о печати»⁶⁹. Выход этого номера произвел в Турции впечатление разорвавшейся бомбы. «На публику сильнее всего, лучше всякой рекламы подействовали имена... издателей газеты»⁷⁰. В первый же день было отпечатано два выпуска газеты, и 25 тыс. экземпляров были раскуплены нарасхват. «Ибрет»

⁶⁶ В 1871—1873 гг., когда газетой руководил Тевфик Эбуззия, она изменила направление, став литературно-политической газетой; в этот период здесь сотрудничал Намык Кемаль («S. Nûzhet, Türk gazeteciliği», стр. 51—53, 59—61).

⁶⁷ Там же, стр. 66—67.

⁶⁸ Короткое время ее арендовал писатель Ахмед Мидхат (1844—1912), прозванный за свою плодовитость «пишущей машиной» (Yazı makinası).

⁶⁹ S. Nûzhet, Türk gazeteciliği, стр. 58.

⁷⁰ В. А. Гордлевский, Очерки..., стр. 360.

стала настоящей, «идейной и боевой газетой» Турции⁷¹. Из номера в номер она печатала острые политические статьи, в которых в резкой форме критиковалась деятельность кабинета Махмуда Недима, популяризовала идеи конституционных свобод, выступала даже в защиту Парижской коммуны⁷². Как отмечал позднее один из попутчиков младотурецкого движения 90-х годов писатель Сулейман Назиф (1870—1927), даже издававшаяся за границей «Хюрриет» по сравнению с «Ибрет» выглядела тусклой⁷³.

В результате после выхода 19 номеров 10 июля 1872 г. газета была на четыре месяца закрыта, а все члены редакционного совета высланы из Стамбула под видом назначения на разные мелкие должности в анатолийских провинциях. Однако уже в сентябре, когда на посту великого везира оказался сторонник конституции Мидхат-паша, издание «Ибрет» возобновилось, а в декабре ее руководителем стал Намык Кемаль, возвратившийся из Гелиболу.

В этот период Намык Кемаль публиковал в газете «Ибрет» острые историко-политические статьи, составившие впоследствии запрещенную цензурой книгу «Эврак-ы перишан» («Разрозненные листки»). В одной из статей он дал обзор периодических изданий и резко критиковал турецкие законы и постановления о печати, что привело в марте 1873 г. к очередному закрытию газеты на месяц. Тогда же в турецком национальном театре «Гедик-паша» состоялось представление известной патристической пьесы Намыка Кемалья «Отечество, или Силистрия». Оно закончилось бурной демонстрацией толпы, кричавшей «Да здравствует Кемаль!». В редакцию «Ибрет» посыпались благодарственные письма, восторженные отзывы. Расценив их как призыв к государственному перевороту, правительство 5 апреля 1873 г. окончательно закрыло «Ибрет». Таким образом, прекратила свое существование «лучшая газета эпохи танзимата, которая наиболее систематически пропагандировала идеи свободомыслия»⁷⁴. Кемаль был заточен в Магосскую крепость на о-ве Кипр, его ближайшие помощники — сосланы.

В те же дни Тевфик Эбуззия попытался издавать газету «Сирадж» («Светильник»). В ее первом номере он жаловался на «ночную тьму, которая царит в нашем газетном мире». Этого оказалось достаточно, чтобы цензура немедленно притушила «Светильник»⁷⁵.

Кроме уже названных в 70-х годах выходили литературные

⁷¹ V. Günyol, *Matbuat*, стр. 370.

⁷² Ю. А. Петросян, «Новые османы»..., стр. 66.

⁷³ S. Nüzhet, *Türk gazeteciliği*, стр. 58.

⁷⁴ V. Günyol, *Matbuat*, стр. 370.

⁷⁵ S. Nüzhet, *Türk gazeteciliği*, стр. 61—62.

журналы: «Медениет» («Цивилизация», 1874) и «Джихан» («Вселенная», 1875), газеты: «Иттихад» («Единение», 1875) и «Садакат» («Верность», 1875), в которых публиковались корреспонденции Намыка Кемалю; «Истикбаль» («Будущее», 1875), нередко предпочитавшая научно-просветительные и моральные темы политическим; «Вакыт» («Время», 1875), публиковавшая краткие обзоры внутреннего и международного положения и литературные материалы; «Сабах» («Утро», 1875) — газета Шемседдина Самиев (1850—1904), автора известных турецких словарей, который первым осмелился в знак протеста против цензурных ограничений выпустить номер с несколькими пустыми колонками, чем подал пример другим газетам; ряд других более мелких газет вроде «Аркадаш» («Товарищ», 1876), «Мюсават» («Равенство», 1876), «Умран» («Благосостояние», 1876), а также журналов.

Что касается провинциальных органов печати, то для характеристики их нет никаких материалов. Известно лишь, что первой вилайетской газетой на турецком языке была основанная в 1864 г. губернатором Дунайского вилайета Мидхат-пашой газета «Туна» («Дунай», тираж 1500 экз.). В 1874 г. издавалось уже 25 провинциальных газет на турецком языке, в том числе в Египте, Сирии, Ливане, Йемене, на Крите, в Конье, Анкаре, Самсуне, Трабзоне, Айдыне, Измире, Кастамону, Эдирне, Адане, Салониках, Диярбакире, Бурсе⁷⁶.

Итак, до конца рассматриваемого здесь периода книгоиздательское дело и периодическая печать в Турции прошли в своем развитии три основных этапа.

Первый этап охватывает период с 1494 до 1728 г., когда печатание книг наборным шрифтом осуществлялось исключительно в типографиях немусульманских религиозно-национальных общин. Поскольку печатавшиеся в них книги не были турецкими по языку и не предназначались для турок, книгопечатание той поры нельзя рассматривать как фактор турецкой культуры.

Второй этап по своей продолжительности совпадает с существованием типографии Ибрахима Мутеферрика (1729—1795). В этот период были заложены основы турецкого книгопечатания. При всей важности этого события для истории Турции книгопечатание на этом этапе играло еще очень скромную роль в материальной и духовной жизни турецкого общества. Рукописная книга безусловно преобладала над печатной⁷⁷.

⁷⁶ Там же, стр. 64; H. R. E r t u ğ, Basın ve yayın hareketleri, стр. 175.

⁷⁷ Более подробно о первых двух этапах см.: А. Д. Желтяков, Начальный этап книгопечатания в Турции, — «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение). Сборник статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского», М., 1968, стр. 47—60.

Третий этап приходится на время с конца 90-х годов XVIII в. до середины 70-х годов XIX в. В этот период публикация печатных изданий приобретает все более прочную основу благодаря известным экономическим, общественно-политическим и культурным сдвигам, происшедшим в Турции в эпоху промышленного капитализма. Этот этап в развитии турецкой печати можно условно разделить на следующие три фазы:

1) 1795—1830 гг.—складываются основные государственные типографии, заметно возрастает выпуск турецких печатных книг, появляются первые в Турции иностранные газеты;

2) 1831—1859 гг.—наряду с развитием государственных издательств появляются и множатся частные типографии и литографии, происходит резкое увеличение выпуска печатных книг, которые практически во всех сферах вытесняют рукописные книги, начинается издаваться первая газета на турецком языке;

3) 1860—1876 гг.—вместе с увеличением объема книжной продукции бурно развивается турецкая периодическая печать, возникают частные газеты и журналы, появляются оппозиционные органы периодики внутри страны и вольная турецкая пресса за границей. В этот период печать становится важным фактором общественно-политической и культурной жизни Турции, возрастает ее роль в формировании идеологии и политических течений в турецком обществе 60—70-х годов XIX в. Печать этого периода и особенно либеральная пресса «новых османов» играет первостепенную роль в оформлении конституционных идей и консолидации прогрессивных сил в борьбе за конституцию 1876 г.

В целом в итоге полутора столетнего развития книгопечатания и периодики на турецком языке был достигнут большой прогресс в формировании новой турецкой культуры. Это нашло свое выражение в распространении светского образования, в науке, в художественной прозе и поэзии, драматургии и публицистике, в подъеме общественной и политической деятельности турецкого народа.

* * *

Обратимся теперь к вопросу о правовом положении печати в Турции, имея в виду не только периодику, но всю совокупность издательской деятельности в ее взаимосвязи.

Правовая история печати в Турции начинается со времени возникновения первых типографий в Османской империи. Типографии немусульманских религиозно-национальных общин, появившиеся в XV—XVII вв., не были свободны в своей деятельности. Они находились под контролем турецких властей. Во всяком случае им запрещалось печатать что бы то ни было на

арабском и турецком языках⁷⁸. Ввоз в пределы Османской империи изданных за границей книг на арабском, персидском и турецком языках был ограничен уже Мурадом III (в 1587 г.), а завезенные приезжими иностранцами экземпляры религиозных печатных книг на этих языках уничтожались⁷⁹.

Первая турецкая типография, созданная Ибрахимом Мутеферрика, была правительственным учреждением. Ее правовое положение определялось ферманом Ахмеда III от 5 июля 1727 г., который запрещал печатать в ней любые мусульманские книги религиозного содержания, т. е. не только Коран, но и книги по фикху, тафсиры, хадисы. За деятельностью этой типографии устанавливался правительственный надзор, разрешение на печатание книг выдавала комиссия «особых справщиков и наблюдателей за печатанием»⁸⁰.

Султан особым указом устанавливал и твердые цены на напечатанные книги, которые до продажи считались собственностью типографии, т. е. казны.

Поскольку до середины 30-х годов XIX в. частных турецких типографий не существовало, а немусульманским подданным заниматься изданием турецких книг не разрешалось, книги на турецком языке печатались только в государственных типографиях⁸¹. Как отмечает историк турецкой печати Эртуг, и в типографии Ибрахима Мутеферрика и «в других созданных позднее официальных типографиях печатались только те книги и трактаты, которые получали одобрение официальных инстанций»⁸². В этих условиях устанавливать какой-либо особый правовой порядок для печати не было необходимости.

Положение стало меняться, когда начали возникать частные литографии, а затем и частные типографии, печатавшие книги на турецком языке. Первое такое частное издательство возникло в 1836 г. и принадлежало иностранцу (литография Анри Кайоля), но постепенно к издательскому делу стали прибегать и османские подданные, притом не только мусульмане. Точно установить, когда был снят запрет на издание турецких книг в типографиях немусульманских общин, пока не удалось. Вполне возможно, что никакого особого постановления на этот счет и не издавалось. Во всяком случае закон 1857 г., оговари-

⁷⁸ O. Ersoy, Türkiye'ye matbaanın girişi..., стр. 21, 47.

⁷⁹ F. Babinger, Stambuler Buchwesen im 18. Jahrhundert, Leipzig, 1919, стр. 8.

⁸⁰ В. Смирнов, Очерк истории турецкой литературы, СПб., 1891, стр. 93; F. Babinger, Stambuler Buchwesen..., стр. 10.

⁸¹ Исключение составляет издание в 1786—1787 и 1790 гг. двух книг по военному делу и турецкой грамматики в типографии французского посольства, на что имелось специальное распоряжение Селима III.

⁸² H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 177.

вающий некоторые особые правила для иностранцев, не делает никаких различий между мусульманскими и немусульманскими подданными султана в том, что касается открытия типографий. Тем же годом датируется издание одной книги на турецком языке в армянской типографии Богоса Киришчяна в Стамбуле⁸³.

С другой стороны, в 30-х годах усложняется работа государственных типографий. Если раньше в них печатались преимущественно книги, заказанные правительством, государственными ведомствами, то теперь резко возросло число заявок от частных лиц.

Все это толкнуло Порту на то, чтобы взять под более строгое наблюдение всю издательскую деятельность в стране, установить контроль над работой частных печатен. Первые указы о неправоительственных изданиях были продиктованы как политическими, так и фискальными соображениями. Султанское ираде, обнародованное в газете «Таквим-и векаи» 4 января 1840 г., отменяло ранее существующую в государственных типографиях практику издания всех книг на казенный счет. Поскольку, говорилось в этом указе, такой порядок приносит большой ущерб казне, впредь все частные лица, желающие издавать книги в государственной типографии, должны авансом оплатить все расходы по их изданию. Отпечатанные книги передаются в распоряжение авторов или заказчиков, и последние сами продают их по ценам, ими установленным⁸⁴.

Однако очень скоро это решение было дополнено важным пунктом: султанский указ от 7 июня 1841 г. предписывал частным лицам получать разрешение на издание книг в главной государственной типографии непосредственно от Высокой Порты⁸⁵. С 1842 по 1846 г. книготорговцы, вывозившие отпечатанные в этой типографии книги из Стамбула в провинции империи, обязаны были уплачивать особую пошлину. Турецкий ученый Эртуг расценивает это как «экономическую меру, ограничивающую свободу печати»⁸⁶.

Справедливее, однако, считать, что идея установления правительственного контроля над изданиями, идея ограничения свободы печати в Турции была заложена уже в упомянутом выше указе султана от 7 июня 1841 г. Формально указ требовал обязательной санкции Порты на публикацию книг только в главной правительственной типографии, фактически же он распространялся на все государственные, ведомственные издательства.

⁸³ E. K o r a y, Türkiye tarih yayınları bibliyografyası..., стр. 193.

⁸⁴ S. R. İ s k i t, Türkiyede neşriyat..., стр. 30—31.

⁸⁵ H. R. E r t u ğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 177—178.

⁸⁶ Там же, стр. 178.

По прошествии некоторого времени правительство установило аналогичный контроль и над частными издательствами. 26 ноября 1854 г. был опубликован указ, запрещающий без разрешения властей печатать книги в литографиях, созданных без их ведома, а 7 июля 1856 г. было выпущено новое постановление о частных литографиях. Это постановление вводило особый налог на частные литографии, ставило их под контроль правительственных инспекторов и обязывало предъявлять на просмотр в издательство газеты «Таквим-и векаи» предназначенные для печати книги⁸⁷. Наконец, 17 февраля 1857 г. был опубликован первый в истории Турции закон о печати, известный под названием «Закона о типографиях» («Матабаа низамнаmesi») ⁸⁸.

Закон 1857 г. гласил, что лица, желающие открыть типографию или литографию, обязаны обратиться за разрешением в Совет по делам просвещения и Управление полиции. По представлению последних канцелярия великого везира выносит окончательное решение, сообщаемое просителю через органы полиции (ст. 1). В провинциях такое разрешение необходимо было получить сначала от вали (ст. 2). Любые «книги и трактаты» могли быть напечатаны только с санкции канцелярии великого везира и по представлению Совета по делам просвещения, если он не найдет в них «какого-либо ущерба для общества или государства» (ст. 3). Из этого следует, что закон 1857 г. юридически вводил цензуру на все неперIODические печатные издания. Полиция получала право немедленно конфисковывать неразрешенные печатные издания, а также закрывать типографии, созданные в обход этого закона. Все открытые ранее типографии обязаны были в шестимесячный срок оформить свое правовое положение в соответствии с новым законом. Опубликованный в 1858 г. уголовный кодекс устанавливал ряд дополнительных наказаний за нарушение закона о печати 1857 г.: от денежного штрафа до тюремного заключения⁸⁹.

Таким образом, к концу 50-х годов XIX в. правительственный контроль над турецкими типографиями и неперIODическими изданиями на турецком языке был весьма жестким. Периодика на турецком языке тогда была представлена всего двумя газетами: правительственным органом «Таквим-и векаи» и полуофициальной газетой Уильяма Черчилля «Джериде-йи хавадис», печатавшейся по особому разрешению султана.

Политика Порты в отношении изданий иностранных поддан-

⁸⁷ S. R. İskit, Türkiye'de neşriyat..., стр. 46—48; H. R. Ertuğ, 'Basın ve yayın hareketleri...', стр. 179.

⁸⁸ Matbaa nizamnamesi, — «Düstur», стр. 227—228.

⁸⁹ S. R. İskit, Türkiye'de matbuat..., стр. 10.

ных определялась особым юридическим положением последних в Османской империи, связанной условиями капитуляционного режима. В частности, французские купцы в Измире, приступая к изданию своей газеты, не испрашивали разрешения у турецкого правительства. Более того, когда в 1830 г. Россия попыталась добиться закрытия «Смирнского курьера», измирский мутеселлим отписал в Стамбул, что Блак — французский подданный и он ничего не может с ним поделать⁹⁰. В данном случае не имеет значения, что турецкие власти и не желали закрытия газеты Блага, важно то, что выдвинутый мотив не был отвергнут как юридически несостоятельный.

Со временем Порта стала проявлять больше интереса к издательской деятельности иностранцев в подвластных ей землях. Особенно ее беспокоили случаи появления изданий, предназначенных не для членов иностранных колоний, а для султанских подданных. Один из таких фактов нашел отражение в меморандуме МИД Турции от 20 июня 1849 г., направленном всем иностранным представительствам. В нем говорилось, что в Сирии «подданные некоторых государств... основали свои типографии и издают в них книги и газету на местном языке». В меморандуме подчеркивалось, что «типографии — это не торговые предприятия» и они не могут быть открыты без разрешения турецких властей. Далее в нем говорилось, что намеченные к печати книги должны получить одобрение местного губернатора, что иностранцам не разрешается печатать книги религиозного содержания или такие, в которых затрагиваются интересы империи, и что на выпуск газеты необходимо иметь специальное разрешение⁹¹.

Эти положения почти целиком вошли в закон 1857 г., в котором было сказано, что только с разрешения министерства иностранных дел Турции подданные других государств могут открывать типографии (ст. 4), издавать предварительно представленные на просмотр «книги и трактаты» (ст. 5), издавать газеты (ст. 6)⁹². (Судя по тому, что в 1850 г. только в Стамбуле и Измире издавалось около десятка иностранных газет, а в 1876 г. число их перевалило за 20, ни меморандум 1849 г., ни закон 1857 г. не являлись серьезным препятствием для иностранцев в их издательской деятельности на территории Османской империи.)

Одновременно с этим турецкое правительство старалось по возможности ограничить ввоз нежелательной иностранной литературы из-за рубежа. Первоначально функции контрольного

⁹⁰ S. N ü z h e t, Türk gazeteciliği, стр. 26.

⁹¹ Цит. по: S. R. İ s k i t, Türkiyede matbuat..., стр. 4—5.

⁹² Matbaa nizamnamesi, — «Düstur», стр. 227.

органа, которому было поручено докладывать о завозимых в империю «зловредных» изданиях, были возложены на учрежденное в 1821 г. Бюро переводчиков при Порте⁹³. В ноябре 1862 г. МИД Турции разослало членам иностранного дипломатического корпуса циркуляр о правилах ввоза в империю печатных материалов. В нем говорилось, что поскольку в последние годы ввоз в Турцию книг, брошюр и периодических изданий сильно возрос, Порта поручила особым чиновникам в таможенных приморских и пограничных городах производить проверку провозимых печатных материалов, «чтобы ограничить распространение разрушительных публикаций». Иностранцы предупреждались, что у них будут задерживаться все печатные издания, «о которых возникнет подозрение, что они пагубно отразятся на общественных нравах или посеют ростки беспорядка»⁹⁴. Не приходится говорить, что это правило еще более жестко действовало в отношении подданных Османской империи, возвращающихся из-за границы.

«Закон о типографиях» 1857 г., закрепивший права иностранцев на издание газет, не внес ясности в правовое положение турецкой периодики: ст. 6 касалась газет только иностранных подданных. Поэтому Агях, Шинаси и другие турки, приступая в начале 60-х годов к изданию первых частных газет и журналов, прибегали к процедуре, предусмотренной законом 1857 г. для публикации книг.

Разрешение на издание первых турецких периодических органов печати, в том числе и частных газет, каждый раз оформлялось в виде султанского фермана. Как справедливо замечает турецкий историк Э. З. Карал, этот ферман имел для издателя силу и значение особой привилегии (*imtiyaz*). Беда заключалась в том, что срок этой привилегии в фермане не оговаривался. «В этих условиях безопасность и независимость газеты нельзя было считать обеспеченными»⁹⁵.

Первоначально дело об издании частных газет рассматривалось Высшим советом по делам просвещения. Вскоре выяснилось, что этот орган, осуществлявший общий надзор за типографиями и изданием книг, не в состоянии эффективно контролировать периодическую печать. Поэтому в 1862 г. был создан особый Департамент печати (*Матбуат мюдюрлюгю*), подчинявшийся до 1876 г. министерству просвещения, а позднее — МИД. Одновременно была начата подготовка закона о печати. Необходимость в таком законе диктовалась в первую очередь не-

⁹³ V. G ü n y o l, *Matbuat*, стр. 377.

⁹⁴ Archives diplomatiques, 1863. Recueil de diplomatie et d'histoire, t. II, 3e année, Paris, 1863, стр. 159.

⁹⁵ E. Z. K a r a l, *Osmanlı tarihi*, c. VII, Ankara, 1956, стр. 217.

бывалым до того количественным ростом турецких периодических изданий и особенно возрастанием роли некоторых из них в политической жизни страны.

«Закон о печати» («Матбуат низамнаmesi») был подписан султаном 15 ноября 1864 г. и обнародован 1 января 1865 г.⁹⁶. В подзаголовке к закону было сказано, что он касается издания и распространения в столице газет, а равно и любых других печатных материалов, трактующих о «гражданских и политических событиях» (*havadis-i mülkiye ve politikkiye*). Закон состоял из двух разделов. Раздел первый, имевший всего девять статей, трактовал о правилах издания газет. Двадцать пять статей второго раздела представляли собой уложение о наказаниях издателей газет и журналистов.

Как документ, в котором впервые и с наибольшей полнотой было определено правовое положение периодических органов печати в Турции, закон 1865 г. представляет несомненный интерес и заслуживает более подробного рассмотрения. Первая статья закона гласила, что газеты и иные периодические издания, на каком бы языке они ни публиковались, могут выходить только с разрешения турецких властей: министерства просвещения — для османских, МИД — для иностранных подданных. В обоих случаях письменное разрешение выдается Департаментом печати. На издание газет за пределами Стамбула требовалось, кроме того, разрешение вали (ст. 2). Право издания газет предоставлялось османским подданным не моложе 30 лет, в прошлом не подвергавшимся судебному преследованию. К иностранцам предъявлялось требование не быть замешанными в преступлениях, связанных с печатью (ст. 3).

В просьбе об издании газеты, помимо ее названия, периодичности, места издания и типографии, должны быть указаны имена владельца газеты или ответственного редактора, а также образцы их подписей. Эти лица обязаны посылать в Департамент печати (в провинциях — вали) один подписанный ими экземпляр каждого выпуска газеты или журнала. Все напечатанные в типографии экземпляры должны иметь внизу клише их подписи или печати (ст. 4). Они несли полную ответственность за все не имеющие подписи автора статьи и корреспонденции, опубликованные в газете, а за подписанные отвечали совместно с автором (ст. 7). Для продолжения издания существующих на конец 1864 г. периодических органов перерегистрация в соответствии с положениями этого закона не нужна, но они должны неукоснительно выполнять все его требования (ст. 6). Владелец газеты обязан публиковать в ближайших двух номерах бесплатно все официальные объявления, послан-

⁹⁶ Matbuat nizamnamesi, — «Düstur», стр. 220—226.

ные через Департамент печати⁹⁷, а также опровержения частных лиц (ст. 8). Допускалась передача права на издание газеты другому лицу и ее аренда (ст. 5). Последняя статья этого раздела запрещала ввоз в империю любых изданных за границей газет, содержащих нападки на правительство и государство.

Таким образом, закон 1865 г. не устанавливал предварительной цензуры периодических органов печати, в то время как на печатание книг требовалось получить одобрение властей до выхода тиража. Однако преимущество тут небольшое, так как закон позволял правительству по малейшему поводу закрывать любую негодную ему газету. Из 25 карающих статей закона почти половина предусматривала именно эту меру. Власти могли запретить временно или навсегда издание газеты в следующих случаях: если газета выйдет без разрешения; если она опубликует материалы, «нарушающие внутреннее спокойствие и угрожающие безопасности государства», а также «подстрекательские и смущающие умы» статьи; за статьи, «противоречащие общественной нравственности и морали», «за оскорбление принципов религии и вероисповедания», за нападки на правящую династию, падишаха, членов правительства и руководителей местной власти; за «слова и выражения, задевающие правителей» дружественных и союзных государств; за выступления против послов, консулов и других дипломатических представителей иностранных государств; во всех случаях, когда в течение двух лет полицейские органы трижды подвергнут газету или ее сотрудников штрафам и иным наказаниям, предусмотренным этим законом (ст. 10, 13, 14, 15, 16, 17, 21, 27, 29, 31).

Кроме того, в двадцати статьях была изложена подробная шкала штрафов, налагаемых на журналистов, и лишения их свободы на разные сроки: от 30 курушей штрафа или двух дней отсидки в полицейском участке «за оскорбление простолыдина» до 150 золотых штрафа или трех лет тюрьмы за «неподобающие слова и выражения» в адрес падишаха. Повторное нарушение любой из статей закона автоматически давало право полиции или суду вдвое увеличивать меру наказания (ст. 33). Для рассмотрения особых случаев нарушений закона о печати создавался специальный суд из пяти человек, подчиненный непосредственно Порте. Более легкие случаи нарушения закона разбирались полицейскими судами (ст. 34).

Закон 1865 г. поставил все периодические издания под контроль Департамента печати. Как это видно из ст. 4, «по

⁹⁷ Здесь имелись в виду прежде всего решения Департамента о штрафах, преследованиях по суду или закрытии газет, а также правительственные постановления и уведомления, касающиеся печати в целом.

крайней мере одной из его функций был анализ газет после их выхода в свет»⁹⁸. Предполагалось, что заключения Департамента в необходимых случаях будут рассматриваться в особом или полицейском судах, которые и определяют меру наказания для печатных органов и их сотрудников.

Некоторые современные турецкие исследователи склонны считать закон 1865 г. либеральным, указывая, в частности, на то, что в нем «не было даже намека на предварительную цензуру»⁹⁹. Действительно, число судебных приговоров в отношении нарушивших этот закон журналистов невелико. По официальным данным полицейского управления, опубликованным в 1870 г., с февраля 1868 по февраль 1869 г. в полиции проходили дела всего 18 журналистов: один из них был отпущен, двое отданы под суд, трое взяты под подозрение, в отношении 12 дела были прекращены¹⁰⁰. Однако причину такого положения не следует объяснять мягкостью закона 1865 г. (его статьи о наказаниях были достаточно суровы). Ее нужно искать скорее в том, что процедура судебного разбирательства выдвинутых против газеты обвинений в принципе давала последней возможность гласной защиты и обжалования решений суда перед султаном.

Именно желанием избавиться от этой гласности и получить неограниченную возможность для немедленных административных санкций против неугодных печатных органов было продиктовано постановление о печати, подписанное 5 марта 1867 г. великим везиром Али-пашой. Непосредственным поводом для принятия этого постановления послужили резкие антиправительственные выступления газет «Тасвир-и эфкар» и «Мухбир»¹⁰¹.

В постановлении Али-паши говорилось: «С некоторых пор ряд газет, выходящих на различных языках в столице, уклоняясь от совершенствования общественных нравов и морали, что является прямым назначением и профессиональной обязанностью печати, встал на путь крайностей, находящихся в коренном противоречии с общими интересами страны; эти газеты много раз уже осмеливались на дерзкие выходки (*zebandırızlık*), направленные против основ государства, они превратились в орудие врагов и распространяют разрушительные идеи и лживые сведения, в то время как им надлежит защищать от всяческих нападок страну, давшую им пристанище, благосостояние и процветание». Впредь, подчеркивалось в постановлении,

⁹⁸ S. R. İskit, *Türkiyede matbuat...*, стр. 21.

⁹⁹ H. R. Ertuğ, *Basın ve yayın hareketleri...*, стр. 180; V. Günyol, *Matbuat*, стр. 377.

¹⁰⁰ S. R. İskit, *Türkiyede matbuat...*, стр. 19.

¹⁰¹ Как уже отмечалось, эти газеты были закрыты, а Намык Кемаль, Зия и Али Суави высланы из столицы.

во всех случаях, когда газеты будут вредить «общественному спокойствию и установленному порядку», «правительство, руководствуясь стремлением ликвидировать (опасные. — А. Ж.) для всего государства и народа последствия, будет принимать административные меры для наказания и пресечения, помимо тех, которые предусмотрены существующим законом о печати». В заключение отмечалось, что постановление является «временным и будет отменено, как только исчезнут причины, его породившие»¹⁰². Юридически постановление Али-паши было отменено лишь после революции 1908 г., а в практике преследования печати на него перестали ссылаться в 80-х годах, поскольку к тому времени в распоряжении правительства имелись новые, еще более суровые средства.

«Временное» постановление Али-паши фактически свело на нет закон о печати 1865 г. Этим постановлением, пишет Э. З. Карал, «свобода и безопасность печати были ликвидированы»¹⁰³. Оно означало, что для закрытия любой газеты или журнала достаточно было простого циркуляра, основанного на сомнительных или неопределенных доводах, обвиняющих печать в действиях, направленных против «общественной морали и пользы». По мнению ряда турецких ученых, прямым следствием постановления 1867 г. была эмиграция самых активных деятелей движения «новых османов» и возникновение вольной турецкой прессы за границей¹⁰⁴.

Постановление 1867 г. положило начало неограниченному административному произволу в делах печати. 15 ноября того же года в газете «Таквим-и векаи» появилось правительственное уведомление, в котором всем стамбульским газетам вновь было предъявлено обвинение в том, что они распространяют «лживые слухи и дезинформацию» или «смущают умы народа». Уведомление требовало, чтобы журналисты не смели помещать каких-либо комментариев по поводу повышения тех или иных лиц в чине или перемещения с одного поста на другой, не представив заранее текста своих статей в Департамент по делам печати¹⁰⁵.

30 декабря 1872 г. на основании постановления Али-паши правительство закрыло юмористическую газету «Диоген». Протесты ряда газет против этой крайней меры привели к целой серии репрессивных мер: весной и летом 1873 г. были закрыты

¹⁰² Цит. по: S. R. İskit, *Türkiyede matbuat...*, стр. 24—25; текст официального уведомления (tebliğ), составленного на основе этого решения (kararname), если судить по французскому переводу, несколько иной: G. Young, *Corps de droit Ottoman*, vol. II, Oxford, 1905, стр. 326.

¹⁰³ E. Z. Karal, *Osmanlı tarihi*, с. VII, стр. 218.

¹⁰⁴ Там же; S. R. İskit, *Türkiyede matbuat...*, стр. 25—26.

¹⁰⁵ S. R. İskit, *Türkiyede matbuat...*, стр. 29.

газета Намыка Кемаля «Ибрет», газета Тевфика Эбуззия «Хадика» и его же «Сирадж», газеты либеральной ориентации «Шарк», «Хюласат уль-эфкяр», позднее — одна из лучших сатирико-юмористических газет «Хаяль» и ряд других. Одновременно в соответствии с законом 1857 г. усиливается надзор за типографиями и цензура непериодических изданий¹⁰⁶.

Особенно жесткие меры против печати были предприняты правительством в середине 70-х годов в связи с резким обострением внутривосточного кризиса и ухудшением международного положения Османской империи.

В 1875 г. была введена предварительная цензура на все материалы, которые местные органы перепечатывали в переводе из иностранных газет и журналов. В 1876 г. предварительная цензура была введена на сатирические и юмористические газеты (не только на текст, но и на карикатуры и рисунки), затем на все ввозимые в Турцию из-за границы печатные издания. В мае 1876 г. газетам и журналам было запрещено без особого разрешения издавать какие бы то ни было приложения и дополнения. Наконец, незадолго до свержения Абдул Азиза с престола великий везир Махмуд Недим-паша распорядился установить предварительную цензуру над всеми без исключения периодическими изданиями, выходившими в Стамбуле и провинциях. Это распоряжение, вызвавшее протесты даже самых верноподданных газет (напечатавшая его «Басирет» объявила о перерыве в своем издании, сославшись на поломку печатной машины), не успело получить санкции султана и шейх уль-ислама и не было проведено в жизнь¹⁰⁷.

Государственный переворот 30 мая 1876 г. и последовавшее 26 декабря провозглашение конституции на первых порах породили немало иллюзий. Однако объявленная «эра свободы» была очень непродолжительной и во всяком случае не оставила заметного следа в истории турецкой печати. В правовом отношении ее положение не изменилось к лучшему даже в тот короткий период, который последовал за низложением Абдул Азиза, когда на османском престоле оказался слабовольный и больной Мурад V. После его низложения (31 августа 1876 г.) султаном Турции стал Абдул Хамид II — правитель, считавший удушение свободы печати одной из своих главных задач.

Двенадцатая статья конституции провозглашала «свободу печати в рамках закона». Закрыв газету «Хаяль», которая в качестве иллюстрации к этому конституционному положению поместила рисунок закованного в цепи человека, и осудив на три года тюремного заключения ее издателя Теодора Касаба,

¹⁰⁶ Там же, стр. 32—39.

¹⁰⁷ Там же, стр. 49—50.

новая власть показала, как она понимает декларируемую «свободу печати» на практике. Юридически же ст. 12 подтверждала сохранение в силе изданных ранее законов и постановлений о печати, в частности закона о типографиях 1857 г., закона о печати 1865 г. и объявленного двумя годами позже постановления Али-паши. «Это означало, — резюмирует видный турецкий исследователь правового положения печати Турции Сервер Искит, — что конституция не принесла пока никакой новой свободы для печати»¹⁰⁸.

Османский парламент также оказался не в состоянии оградить печать от административного произвола верховной власти. В январе 1877 г. была создана комиссия для подготовки нового закона о печати. Ее работа протекала в крайне неблагоприятной внутри- и внешнеполитической обстановке. В феврале 1877 г. султан, опираясь на ст. 113 конституции, которая давала ему право высылать за пределы империи лиц, «которые на основании сведений, заслуживающих доверия и собранных полицейским управлением, будут признаны наносящими ущерб безопасности государства», приказал арестовать великого везира Мидхат-пашу и многих других активных участников конституционного движения. В апреле того же года началась война с Россией, что дало повод правительству еще более усилить контроль за печатью. Во главе Департамента по делам печати был вновь поставлен реакционер Маджид-эфенди (с 1878 г. — паша), который уже назначался на этот пост в 1868 г. и рекомендовал себя активным проводником постановления о печати 1867 г.

В конце мая 1877 г. комиссия представила парламенту законопроект о печати. Принимавший непосредственное участие в составлении проекта Маджид-эфенди включил в него целый ряд положений, резко ограничивавших свободу печати: запрещение критиковать государственных чиновников; повышение полицейских требований к лицам, претендующим на звание журналиста; ограничения на публикацию в газетах парламентских прений; повышение меры наказаний за «преступления», под которыми понимались неугодные правительству и властям критические выступления печати; запрещение издания сатирических и юмористических газет и журналов и т. д.¹⁰⁹.

В ходе парламентских прений многие из статей проекта подвергались резкой критике депутатов и были отвергнуты. Депутаты не согласились с запрещением критики в печати действий государственных чиновников, выступили против ограничений на

¹⁰⁸ Там же, стр. 66; об осуждении Теодора Касаба — там же, стр. 69.

¹⁰⁹ S. R. İskit, *Türkiyede matbuat...*, стр. 70; E. Z. Karal, *Osmanlı tarihi*, с. VIII, Ankara, 1962, стр. 408.

освещение в прессе парламентских дискуссий, против жестких карающих печать и журналистов статей. Касаясь последнего положения, один из депутатов сказал: «Закон о печати должен предоставить ей свободу... А этот проект, каким он до нас дошел, напоминает нам не закон о печати, а уголовный кодекс. Он не содержит ничего, кроме денежных штрафов да тюремного заключения»¹¹⁰.

Однако, пишет Э. З. Карал, «разделом законопроекта о печати, который вызвал больше всего шума, был тот, который касался запрещения юмористических газет. Абдул Хамид II не любил юмора... законоположения, накладывавшие запрет на юмор, были включены в соответствии с его пожеланиями (*temayülüne göre*)»¹¹¹. По этому вопросу перед депутатами выступил с заявлением Маджид-эфенди. Директор Департамента печати назвал сатирические и юмористические органы печати бесполезными и даже вредными, шутовскими и лишенными всякого воспитательного значения. Но, несмотря на все его красноречие¹¹², парламент отверг и эту статью.

Новый закон о печати, вотированный обеими палатами меджлиса, не был, однако, утвержден султаном и в действие не вступил. В результате султан и правительство, опираясь на положения ст. 113 конституции и прежние законы и постановления о печати, сохранили неограниченные возможности для преследований всех издательств, печатных органов и журналистов как в судебном порядке, так и полицейско-административными средствами.

Разгон парламента в феврале 1878 г. открыл путь для установления тиранического режима личной власти «кровавого султана» Абдул Хамида II и торжества феодально-клерикальной реакции. Таким образом, попытки прогрессивных слоев турецкого общества воспрепятствовать превращению Турции в полуколонию иностранных держав в самом зародыше были обречены на неудачу. Все это сильно затормозило социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны.

Вместе с тем поражение конституционного движения 60—70-х годов XIX в. имело самые пагубные последствия для развития такого важного фактора духовной культуры турецкого общества, каким уже в тот период являлась печать. Никогда книгоиздательское дело и пресса в Турции не испытывали такого гнета и полицейских преследований, как в период тридцатилетнего царствования Абдул Хамида II, но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

¹¹⁰ E. Z. Karal, *Osmanlı tarihi*, c. VIII, стр. 409.

¹¹¹ Там же, стр. 410.

¹¹² Полный текст его заявления см.: S. R. İskit, *Türkiyede matbuat...*, стр. 73—75.